

— Это зонтик внука дедушки из охраны, — сказал Се Цзыцзин. — Я тебя ждал.

Цинь Гэ еще больше запутался:

— Зачем ты меня ждал?

Се Цзыцзин:

— Чтобы ты меня подвез домой.

Цинь Гэ:

— С момента окончания работы прошло уже два часа, ты мог бы уже сам добраться!

Се Цзыцзин:

— На улице дождь, идти не хочется, слишком тяжело.

Цинь Гэ смотрел на него пронизательным взглядом.

Се Цзыцзин убрал телефон в карман, с улыбкой поднялся, держа детский зонтик с миньонами:

— Тогда я сначала верну зонтик, жду тебя у входа.

Через несколько минут Се Цзыцзин, как и хотел, оказался в машине Цинь Гэ.

Как только он закрыл дверь, сердце Цинь Гэ внезапно заколотилось: в салоне было тепло, он и Се Цзыцзин находились близко друг к другу, и пугающий, жаркий запах его феромонов быстро заполнил пространство.

Цинь Гэ пришлось открыть окно, чтобы проветрить.

Се Цзыцзин тут же закрыл его:

— Холодно, зачем открывать?

Цинь Гэ сквозь зубы предупредил:

— Это моя машина, я открываю, когда хочу.

Се Цзыцзин:

— Ты становишься всё злее ко мне.

Цинь Гэ хотел как можно быстрее доехать и избавиться от этого опасного источника тепла.

Но из-за дождя на дороге постоянно возникали пробки, и через полчаса они преодолели расстояние, которое обычно занимало пятнадцать минут.

Действие ингибитора постепенно ослабевало. Его эффект длился всего 12 часов, но Цинь Гэ не мог снова достать бутылочку с таблетками при Се Цзыцзине.

Он лишь увеличил громкость радио, сосредоточившись на машине впереди, чтобы отвлечься.

Курьер Meituan, проезжавший мимо, с удивлением и доброжелательностью заметил:

— Брат, почему вы не закрываете окно? Дождь сильный.

Се Цзыцзин тихо засмеялся, пристегивая ремень.

Цинь Гэ, раздраженный, крикнул:

— Еще раз засмеешься — вылетишь!

— Цинь Гэ, — Се Цзыцзин наклонился к нему, и Цинь Гэ инстинктивно отстранился, — это взаимно, ты ведь знаешь?

Цинь Гэ:

— Что?

Се Цзыцзин указал на себя, а затем на него:

— Ты чувствуешь мои феромоны, и я чувствую твои.

Цинь Гэ промолчал.

Се Цзыцзин вдохнул:

— Ммм, это сигнал ухаживания.

Загорелся зеленый свет, курьер Meituan уехал, машина впереди начала двигаться.

Холодный дождь и ветер врываются в открытое окно, охлаждая разгоряченные щеки Цинь Гэ, и это было приятнее, чем раньше. Его ладони вспотели, кожаный чехол на руле казался душным и неудобным. Се Цзыцзин тихо смеялся на пассажирском сиденье, и Цинь Гэ, чьи мысли были взбудоражены его словами, вдруг запаниковал.

Он свернул на боковую дорогу, остановился и приказал Се Цзыцзину выйти.

Се Цзыцзин удивился:

— Ты правда меня выгоняешь?

— Мне нужно поужинать дома, — солгал Цинь Гэ.

Се Цзыцзин знал, что он имел в виду дом Цинь Шуаншуан, но не сразу ответил, потирая ремень безопасности, и через некоторое время спросил:

— Ты так против сексуальной реакции?

— Против, — решительно ответил Цинь Гэ. — Особенно когда она возникает без всякой связи с чувствами.

Се Цзыцзин:

— Это нормальная реакция для Стражей и Проводников.

Цинь Гэ:

— Мне это не нравится. Это заставляет меня чувствовать себя зверем, а не человеком.

Он ожидал, что Се Цзыцзин снова начнет жаловаться, чтобы вызвать у него жалость, но этого не произошло.

Быстро отстегнув ремень и открыв дверь, Се Цзыцзин покорно вышел. После его ухода феромоны, заполнявшие салон, постепенно исчезли, и удушливое чувство, мучившее Цинь Гэ, наконец ослабло.

Он не хотел признавать, что в глубине души, в том месте, где властвуют не разум, а чувства и инстинкты, возникло легкое сожаление.

— Прости, если доставил тебе неудобства, — сказал Се Цзыцзин, наклонившись к окну.

Ладно... Цинь Гэ все же чувствовал, что этот человек просто притворяется жалким. Каждое его движение, каждое слово заставляло Цинь Гэ смягчаться и задумываться, не слишком ли он с ним строг.

— Я придумаю другой способ, чтобы за тобой ухаживать, — улыбнулся Се Цзыцзин.

Цинь Гэ промолчал.

Се Цзыцзин:

— Пока.

Цинь Гэ:

— Подожди — зонтик.

Он протянул Се Цзыцзину складной зонтик.

Се Цзыцзин снова засмеялся. Возможно, это была просто простая улыбка, но Цинь Гэ всегда видел в ней что-то большее. Он разозлился и хотел забрать зонтик обратно, но Се Цзыцзин быстро взял его, поднес к губам и послал Цинь Гэ воздушный поцелуй.

Уехав с этой дороги, Цинь Гэ не сразу отправился домой. Ему некуда было идти, и он то думал о работе, которая еще не была организована, то вспоминал «море сознания» Се Цзыцзина.

Да, его «море сознания». Именно из-за этого странного «моря» он так сильно обращал внимание на Се Цзыцзина.

Этот ответ немного успокоил Цинь Гэ. Он зашел в японский ресторан у дороги, заказал тофу с рисом и жареную свинину и медленно ел.

Весенний дождь был не сильным, но и не слабым. Уже стемнело, и дорога, освещенная фарами машин и фонарями, превратилась в сверкающий поток. Цинь Гэ сидел в ресторане, смотрел на машины и людей за окном и вспоминал ту маленькую комнату в «море сознания» Се Цзыцзина.

Он все еще хотел снова войти в «море сознания» Се Цзыцзина, но перед этим ему нужно было

убедить его открыть закрытые ящики, шкафы и гардеробы.

Чего боялся Се Цзыцзин?

Цинь Гэ долго думал, но не мог найти объяснения странному поведению Се Цзыцзина. До патрулирования он сопротивлялся, во время патрулирования он тоже не был до конца откровенным, и даже после окончания патрулирования его первый вопрос был: «Тебе не понравится мое море сознания».

Это же не роман, какое отношение имеет «нравится»?

Затем он вспомнил, что Се Цзыцзин действительно хотел с ним встречаться.

К концу ужина он почти не чувствовал вкуса еды. Он запил таблетку ингибитора водой и, сидя на стуле, десять минут глубоко размышлял о своей жизни и жизни Се Цзыцзина.

— Интуиция подсказывает мне, что Цинь Гэ думает обо мне, — сказал Се Цзыцзин, выходя из метро.

На другом конце провода Бай Сяююань язвительно засмеялась:

— Освободившись от твоего преследования, Цинь Гэ только рад, как он может думать о тебе?

— Он говорит одно, а думает другое, — Се Цзыцзин открыл складной зонтик Цинь Гэ, рассматривая внутреннюю сторону с изображением созвездий. — Цинь Гэ такой скрытный, снаружи зонтик черный, ничего особенного, а внутри — яркие звезды.

Бай Сяююань:

— Извини, это мой зонтик, я забыла его в машине, когда ездила в больницу.

Се Цзыцзин тут же изменил тон:

— Если долго смотреть, то он довольно красивый, полон культурного смысла.

Бай Сяююань держала в руках бульварный роман, описывающий сложные отношения между особыми людьми, и как раз дочитала до момента, где оборотень сбивает вампира, поэтому не хотела с ним разговаривать:

— Зачем ты мне звонил?

— Бай Сяюань, твое гадание не точное. В обед ты сказала, что сегодня подходящий день для признания, я признался, и это не сработало. Так что верни мне деньги.

Бай Сяюань сразу выпрямилась:

— Не может быть! Я тебе говорю, с этим гаданием я прошла через всё Кризисное бюро, и никто не сомневается. Как ты признался?

Се Цзыцзин:

— Я сказал Цинь Гэ, что от него исходят сигналы ухаживания.

Бай Сяюань:

— ...Тебя не ударили?

Се Цзыцзин:

— Выгнали из машины.

Бай Сяюань:

— Мои карты Таро были освящены Цинмэйцзы, ты знаешь его? Это тот особый человек с даром предвидения, у него есть магазин на Таобао с золотой короной, и колода карт стоит 13 000. Карты в порядке, и мое гадание абсолютно точное, это ты сам сказал не то.

Се Цзыцзин выразил сомнение в мастерстве Бай Сяюань, самих картах и магазине на Таобао, а Бай Сяюань разозлилась на его сомнения. Она повесила трубку и, отложив бульварный роман, сразу достала карты Таро, чтобы снова погадать.

Она погадала для Тан Цо.

Тан Цо проспал в метро и проснулся от звука в наушниках, когда поезд уже подъезжал к станции.

Бай Сяюань прислала шокирующий смайлик: [Я только что погадала, сегодня тебя ждет большая беда.]

Тан Цо зевнул и ответил: [Прошу, спаси меня, колдунья.]

Бай Сяюань: [Спасение стоит 100 юаней. Мы же братья, скидка 10% минус 3 юаня.]

Тан Цо: [Ты помешалась на деньгах!]

Выходя из метро, он увидел на стене туннеля большой рекламный плакат о недвижимости и вспомнил, что Бай Сяюань, кажется, копит на квартиру.

Тан Цо сначала обрадовался: у него пока нет давления, связанного с покупкой жилья.

<http://bllate.org/book/15560/1384545>